

«СОВЕТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ», ВЗГЛЯД ИЗ ХХІ ВЕКА

(Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. Составитель И. А. Ладынин. (Вестник Университета Дмитрия Пожарского. № 2 (4)). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 356 с.)

Рецензируемый выпуск «Вестника Университета Дмитрия Пожарского» посвящен теме, в последнее время привлекающей к себе внимание отечественных востоковедов, антиковедов и специалистов по истории науки, — истории изучения древнего мира (как древневосточных цивилизаций, так и античного мира) в советской исторической науке. О том, насколько активно протекает исследовательский процесс, можно судить по перечню конференций, проведенных в 2014–2015 гг. и посвященных этой проблематике, — сборник во многом составлен из переработанных докладов, прочитанных на этих конференциях (с. 9–10).

Тематически сборник распадается на несколько разделов, предваряемых вводной статьей И. А. Ладынина. Первый раздел посвящен жизни и творчеству академика В. В. Струве и его вкладу в советское востоковедение. Во втором разделе рассматриваются историографические и биографические сюжеты, связанные с развитием советского антиковедения. Наконец, в третьем разделе опубликованы архивные документы, освещающие деятельность советских ученых на широком фоне политической истории того времени.

В содержательной вводной статье «Насколько марксистской была “советская древность?”» И. А. Ладынин делает попытку периодизации советской историографии. Автор считает, что в «сталинский» период предпринимались попытки сконструировать общую концепцию древней истории, причем за основу принимались такие факторы, как формы эксплуатации и классовая борьба. Эти попытки формально представлялись как успешные, но по сути потерпели неудачу. Ладынин акцентирует внимание на различии в подходах между представителями «старой школы» и партаппаратчиками — учеными «новой формации», наиболее заметным представителем которых был А. В. Мишулин. Следует, впрочем, отметить, что ученые с дореволюционным стажем и ученые «новой формации» нашли общую платформу на основе «Краткого курса истории ВКП(б)», по сути узаконившего «позитивистский нарратив». Напротив, некоторые «выдвиженцы» 1920-х годов (А. И. Тюменев и др.) оказываются в 1920–1940-е годы на заднем плане, и их марксистская (или псевдомарксистская) риторика уже не востребована. На более позднем этапе, в 1960–1980-е годы, советские историки, как справедливо отмечает Ладынин, основное внимание обратили на эволюцию общины. Этот перенос центра тяжести с классовой борьбы и эксплуатации на изучение эволюции общины в древности стал «пунктом консенсуса» для советских исследователей в позднесоветскую эпоху (с. 26). И когда идет речь об отсутствии «официозной единой концепции древней истории» и, как следствие, «тотального диктата ученым», то в таком же «привилегированном» отношении находились в то время и специалисты по истории западноевропейского средневековья, особенно раннего (достаточно указать, в частности, на работы А. Я. Гуревича). Можно только приветствовать присутствие иллюстраций (показаны места, где работали советские ученые), однако стоит отметить, что Институт истории АН СССР располагался в здании на ул. Волхонка, д. 14 с 1936 по 1960 г., а не по 1968 г., как ошибочно написано в настоящем издании (с. 21).

Первый раздел сборника посвящен личности Василия Васильевича Струве и открывается статьей А. А. Ильина-Томица «Социальный переворот в Египте в трудах В. В. Струве». В ней рассматривается история возникновения одного из важнейших элементов в научных построениях Струве — идеи о социальном перевороте в древнем Египте эпохи Среднего царства. Автор справедливо указывает на значение этой идеи в научном наследии академика, но задается вопросом, насколько она была обусловлена политическими событиями 1910-х — 1920-х годов, а также (лично для Струве) упоминанием «революции рабов» Сталиным в 1933 г. Справедливо указывается,

что родоначальником этой идеи еще в 1912 г. выступил немецкий египтолог А. Эрман (с. 37–38). Сам Струве широко использовал как собственные наработки, так и исследования западных ученых, правда, предложив собственную датировку происходивших событий (конец Среднего царства). Теория социального переворота в древнем Египте, разработанная Струве, была принята советской наукой и нашла отражение в большинстве учебных изданий разного уровня. Однако автор упоминает и о том, что данная теория уже в 1970-е годы стала объектом критики, основанной на ранних публикациях С. Я. Лурье, и ныне исключена из исторических работ. Но вслед за этой констатацией Ильин-Томич предпринимает странную попытку реабилитировать «Речение Ипувера», на анализе которого строилась идея «социального переворота» Струве, и в заключении выдвигает предположение, что «текст полон архетипических художественных преувеличений, но это не отменяет того, что таким способом в нем, по всей видимости, описывается современная автору ситуация» (с. 42).

С. Б. Крих посвятил свою статью рассмотрению проблемы взаимоотношений В. В. Струве с марризмом. Ее сам автор статьи определяет как «по внешности совершенно второстепенную», но глубинно — показывающую отношение ученого к сомнительной, но ставшей официальной теории, а через эти отношения делается попытка выявить отношение Струве к марксизму. После краткого очерка развития «яфетической теории» Крих выделяет этапы в развитии и самого Струве, и марризма, отмечая, что они неплохо коррелируют между собой (с. 55–62). Но подлинного принятия теории Марра в работах Струве не произошло, хотя она и помогла ему инкорпорироваться в ряды советских исследователей-марксистов. Однако Струве мало уделял внимания этим вопросам в своих работах, а после 1950 г. легко с ней расстался. Отсюда вытекает и основной вывод исследования — что и марксистом Струве не был, и, доживи он до краха марксизма, с легкостью отказался бы и от него (с. 67–68). Но не слишком ли это смелый вывод? Хотя, конечно, в конце жизни знаменитый ученый, ссылаясь на Маркса и его гениальное учение, дополнил «пятиленку» «азиатским способом производства», поместив его между первобытностью и рабовладением.

В статье И. А. Ладынина «Труд Манефона Севеннитского и история Египта I тыс. до н.э. в исследованиях В. В. Струве» дается анализ основных египтологических работ Василия Васильевича, посвященных Манефону, и прежде всего — «Манефон и его время». Автора интересуют истоки интереса Струве к личности Манефона и, более широко, — к освещению египетской истории в его труде. Этому предшествует обстоятельный разбор факторов, которые формировали научные интересы Струве, и причин, по которым эти интересы так разительно расходились с интересами западных египтологов того времени. Если западных египтологов Манефон интересовал лишь как источник сведений для формальных хронологических выкладок, то Струве живо интересовался его личностью и местом в греко-римском обществе царства Птолемеев. В результате разбора работ Струве, посвященных истории Позднего царства и эллинистического Египта, начиная с его дореволюционных статей, автор приходит к заключению, что в основных своих построениях (Ладынин концентрируется именно на «тех его суждениях, которые представлялись ему самому и представляются нам принципиально важными», с. 85) Струве оказался несостоятелен. Большинство его выводов были отвергнуты при дальнейшем развитии наших взглядов на историю Египта, а некоторые содержали очевидные нестыковки с самого начала. При этом отмечается, что в построениях Струве имеются и конструктивные, позитивные элементы, а учитывая общую бедность русскоязычной литературы по истории позднего Египта, его работы до сих пор остаются неплохим введением в изучение этого периода египетской истории.

Второй раздел — «Антиковедение и антиковеды советского времени» — объединяет три довольно разноплановых статьи. В работе О. В. Метель рассмотрен вопрос о поисках в 1920-х — 1930-х годах советскими исследователями истории раннего христианства собственного классика. Первоначально на эту роль претендовал К. Каутский, чьи работы по первоначальному христианству широко публиковались в Советском Союзе, а авторитет был весьма высок, несмотря на его идейные расхождения с лидерами советского государства. Автор, на наш взгляд, вполне справедливо называет его «несостоявшимся классиком». Рассмотрены в статье и этапы борьбы с «каутскианством», начавшейся в конце 1920-х годов. Причины такой широкой атаки на Каутского и его идеи автор видит в формировании догматизированного марксизма советского образца (с. 118). Не возражая против этого, хотелось бы задать частный вопрос: если общая стратегия атаки определялась высшим руководством партии, то как определялись те идеи Каутского (в данном конкретном случае), на которых сосредоточили огонь критики научные оппоненты ученого? Были ли

советские специалисты свободны в выборе таких целей или даже в подобных частных вопросах им следовало обращаться за советом в руководящие органы?

Разоблачение «ренегата» Каутского поставило вопрос о том, кто придет ему на смену как классик исследований истории раннего христианства. Эту роль с начала 1930-х годов стал играть Ф. Энгельс. Однако при внимательном изучении работ Каутского и Энгельса в них обнаруживается много общего. И любопытны те приемы, которыми пользовались советские исследователи (и которые анализирует автор), чтобы на сходном материале обосновать «извращение» марксистских идей Каутского и правильность их же трактовки у Энгельса (с. 122–124). Все это привело к весьма существенной адаптации идей Энгельса к требованиям атеистической пропаганды в 1930-х годах, а в более позднее время — к призывам вернуться к «истинному Ф. Энгельсу».

Статья Н. С. Алмазовой ««Настоящая лаборатория научной работы»: казанский семинар «Античный понедельник» в контексте понятия научной школы» рассматривает историю научного семинара, основанного в Казанском университете в 1966 г. А. С. Шофманом. Рассматривая как архивные, так и мемуарные источники, Алмазова считает, что об «Античном понедельнике» можно говорить как о научной школе, «которая не просто пережила (причем надолго) своего основоположника, но и успешно прошла через непростой период трансформации ее научных авторитетов (мы имеем в виду ситуацию второй половины 1980-х — начала 1990-х годов)» (с. 154). Автор показывает, каким образом кружок превратился в «настоящую лабораторию научной работы» (с. 153). И, несмотря на некоторую, вполне понятную, идеализацию, общий вывод о ключевом значении «Античного понедельника» для формирования и существования казанской антиковедной школы можно считать обоснованным.

Статья Ю. Н. Кузьмина и О. М. Макаровой «Александр Егорович Паршиков (1940–1984): жизнь и смерть антиковеда в городе на Волге» — это переработанный вариант биографического очерка, уже опубликованного в вып. 14 петербургского ежегодника «Мнемон» за 2014 г. Нынешняя статья предвещает публикацию документов из личного дела А. Е. Паршикова, характеризующих жизненный путь и научное творчество самарского ученого (с. 161–184). Большой интерес представляет публикация работы А. Е. Паршикова «Афинские финансы времен Пелопоннесской войны», которую подготовили Ю. Н. Кузьмин, О. М. Макарова и А. В. Стрелков (с. 283–319). Публикаторы тщательно продавали большую работу: сверили текст, проверили ссылки и сноски, добавили новую литературу. В результате статья Паршикова (часть его докторской диссертации) обрела новую жизнь и может не только рассматриваться как факт истории науки, но и, к примеру, использоваться студентами для подготовки курсовых и дипломных работ.

Третий раздел сборника представлен публикацией ряда архивных материалов, связанных с историей советского антиковедения и востоковедения. Центральное, можно сказать, стержневое место здесь занимает публикация Н. В. Бугаевой и И. А. Ладынина ««Наш учебник по древней истории выдержал экзамен» (заседание кафедры древней истории исторического факультета МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР 22 марта 1949 г.)» объемом почти сто страниц: это публикация стенограммы заседания, посвященного обсуждению переиздания 1948 г. учебника В. С. Сергеева по истории древней Греции (с. 195–282), предваренное кратким вступлением (с. 187–194). Можно только приветствовать сделанную на самом высоком археографическом уровне публикацию «живого» обсуждения середины XX в. Бугаева и Ладынин задали определенный стандарт публикации документа советской эпохи, на который могут ориентироваться другие исследователи¹.

Некоторое сомнение вызывает разве что навязываемый авторами публикации вывод: «В ходе заседания Н. А. Машкин и его сторонники с успехом отстояли учебник, соответствовавший стандартам академической науки, от конъюнктурных нападок» (с. 278). Резонно задать вопрос: от кого, собственно говоря, отстояли, поскольку сам текст документа не дает ответа на этот вопрос. Авторы-публикаторы утверждают: «Для историка древности... будет существенно произошедшее на этом заседании столкновение двух позиций: большинства его участников во главе с руководителем кафедры и сектора Н. А. Машкиным, отстаивавших учебник, по сути дела,

¹ Вопросы к обсуждению: 1) стоит ли вообще публиковать подобные документы полностью? К примеру, в архиве РАН фонды 457 (Отделение истории и философии АН СССР) и 1577 (Институт истории АН СССР) содержат множество подобных документов. Впрочем, публикация именно этого документа может быть обоснована его внеархивным статусом; 2) стоит ли использовать столь сложное оформление (разрыв слов номерами страниц документа и т.п.) для машинописных текстов советского периода?

с академических позиций, и учеников А. В. Мишулина, проводивших не вполне ясно, но все-таки достаточно опознаваемо мысль о его несоответствии текущей ситуации и о необходимости его замены более конъюнктурным и закономерно вульгарным изданием. Хорошо известно, насколько осложнена и неочевидна была в условиях 1949 г. победа чисто академической линии по такому вопросу; тем больший интерес и невольную гордость за коллег вызывает ситуация, когда она все же была достигнута благодаря сплочению большинства из них в противостоянии конъюнктурной фразе (пусть даже для этого им пришлось признать много неискренних и неприятных слов)» (с. 187–188). Идея нехитрая: «хорошие парни» (и девицы), настоящие ученые, сплотились и победили «плохих», положим, партаппаратчиков и их последователей, ну, а благая цель, понятно, оправдывает неискренние и неприятные слова. А в чем же заключалась их победа? В том, что в Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) ушла стенограмма, поддерживающая переиздание учебника Сергеева по истории древней Греции, над которым, кстати, совместно работали и «партаппаратчик» Мишулин, и «академический ученый» Машкин.

Бугаева и Ладный также (правда, с тенью сомнения) предполагают: «Нам кажется вероятным, что внимание Агитпропа к работе антиковеда-романиста [Н. А. Машкина] могло быть стимулировано как раз А. В. Мишулиным, при его связях в партийных сферах, и, возможно, его учениками; в 1949 г. они же в обострившейся идеологической ситуации могли настоять на том, чтобы результаты заседания 22 марта 1949 г. были изучены в структурах ЦК, однако бывшего влияния их учителя им, очевидно, не доставало» (с. 193). На чем основываются все эти предположения, не совсем ясно. При этом публикаторы оговариваются, что Мишулин не стремился прописать во всем учебнике свою концепцию «революции рабов» (с. 224, прим. 88).

Выступление ученицы А. В. Мишулина О. Н. Юлкиной (с. 225–232), достаточно скандальное, с обвинениями в адрес «безродных космополитов» от истории архитектуры, несколько выделялось даже на фоне критики того времени. Вывод Юлкиной – не в пользу учебника Сергеева (с. 232). Однако выступление другого ученика А. В. Мишулина, П. Н. Таркова, трудно назвать разгромным по отношению к учебнику Сергеева: «Я присоединяюсь к словам Владимира Капитоновича (Никольского), что мы должны будем обсуждать этот учебник еще не раз, будет и четвертое издание. Я лично считаю, что мы не так уж бедны теперь, по крайней мере, чтобы нам обязательно иметь только один учебник. Могут быть и другие учебники... Я думаю, что никаких возражений против того, чтобы книжка Владимира Сергеевича издавалась, не может быть ни у кого» (с. 233). Примечание публикаторов к этому месту трудно объяснить чем-либо, кроме предвзятости: «Возможно, эта реплика отражает исходное намерение учеников А. В. Мишулина поставить на заседании вопрос о создании учебника, альтернативного обсуждаемому, однако в таком случае оно звучит крайне сдержанно» (с. 233, прим. 115). Таркову вторит многолетний сотрудник Мишулина Я. А. Ленцман: «Я считаю, что книга профессора Сергеева как в издании 1939 г., так и в издании 1949 (1948?) г., является лучшим пособием по истории Греции» (с. 248).

Публикаторы почему-то, основываясь не на стенограмме, а на каких-то неизвестных источниках, считают, что ученики Мишулина именно на этом заседании хотели, выступив единым фронтом, предложить подготовить принципиально иной учебник по истории древней Греции (с. 230, прим. 109). Поскольку из текста подобный вывод не следует, он высказывается в примечаниях к тексту и основывается на предположениях. Документы, однако, свидетельствуют, что точку зрения одиозной Юлкиной не разделяли и другие ученики Мишулина, например, Л. М. Рогалин, о чем свидетельствует следующее письмо в дирекцию Института истории АН СССР:

Присутствовавшие на заседании кафедры и сектора древней истории института свидетельствуют о том, что проф. Удальцову была дана ложная информация:

1. Строго соблюдался регламент выступавших и не стеснялась свобода выступлений.
2. Председательствовавший проф. Машкин не причислял к категории буржуазных космополитов лиц, дававших критику учебника проф. Сергеева.
3. Заседание проходило в деловой и критической (см. оборот) обстановке.
доц. Рогалин Л. М. (Полиграфич. [еский] институт)
Е. Голубцова, м. л. [адший] научный сотрудник сектора
древней истории
Т. Блаватская – сектор древней истории
Крушкол М. [осковский] О. [бластной] П. [едагогический] И. [нститут]².

² Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 201. Протоколы заседаний Ученого Совета, № 1–21. 14 января – 28 декабря 1949 г. Л. 1–10б. (листок тетрадный). Без даты. Резолюция «К протоколу Ученого

Это письмо стало ответом на нападки на Машкина со стороны Юлкиной, которые он частично даже признал справедливыми через день, 24 марта 1949 г.:

Поскольку здесь я коснулся книги Сергеева, считаю необходимым сделать следующее заявление. Я признаю, что мое заключительное слово при обсуждении книги Сергеева, которое происходило позавчера, было построено неправильно. Я указывал на критику Сергеева со стороны космополитов. Книга Сергеева является лучшим пособием по истории Греции. Были попытки критиковать ее с точки зрения космополитов, и я всегда буду вести борьбу против такой критики. Но отвечая на некоторые замечания во время обсуждения, я не провел должного водораздела между критикой космополитов и некоторыми критическими замечаниями, с которыми по тем или иным мотивам не могу согласиться. Я никогда не думал смешивать такие две критики, но нужно было этот водораздел провести решительнее. О том, что я якобы не давал высказываться на заседании и зажимал критику, я впервые услышал от А. Д. Удальцова. Стенограмма может подтвердить обратное³.

Машкин сознательно подчеркивал совместную успешную работу с Мишулиным по переработке учебника Сергеева: «Александра Васильевича вызвали в комитет по делам высшей школы и сказали, что книга хорошая и ее нужно только отредактировать... Мы взяли с Александром Васильевичем за эту работу, потому что книга В. С. Сергеева является одним из достижений нашей советской науки. Борьбу за новые достижения в области истории древнего мира нужно соединить с борьбой против космополитизма» (с. 269–270). Противоречия между Машкиным и Мишулиным⁴ (более влиятельный Мишулин мог рассматривать Машкина как «младшего партнера») не мешали их сотрудничеству. Предположение о существовании некоего «единого фронта» учеников Мишулина сомнительно. Другое дело, что Машкин в условиях жесткой идеологической кампании опасался интриг скандальной Юлкиной. Следует также отметить, что, в отличие от МГУ, его авторитет среди сотрудников сектора древней истории и «Вестника древней истории» был не столь очевиден⁵.

Впрочем, все эти замечания лишь подчеркивают важность публикуемого документа, который дает прекрасный материал для научной дискуссии.

Завершается сборник публикаций Н. С. Тимофеевой «Моя партийная совесть не позволяет мне молчать...». В ней представлены документы из коллекций Государственного архива Российской Федерации и архива РАН, освещающие инициативы В. И. Авдиева и Н. С. Петровского

Совета. В. Шунков». Подшито в начале папки протоколов за 1949 г., к протоколу № 1 от 14 января 1949 г.

³ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207. Л. 68–69 (стенограмма заседания Ученого совета Института истории АН СССР от 24 марта 1949 г., посвященного вопросам борьбы с буржуазным космополитизмом в исторической науке). Знакомство с этой хорошо известной исследователям истории науки стенограммой помогло бы публикаторам точнее оценить достоверность стенограммы заседания, состоявшегося в МГУ.

⁴ И. Л. Маяк свидетельствует о «негласном разделении» на кафедре истории древнего мира МГУ 1940-х годов: «знамя марксизма» гордо нес Мишулин, а «знамя науки» — беспартийный Машкин (доклад «Воспоминания об Абраме Борисовиче Рановиче и советском антиковедении его времени» на конференции Центра эллинистических исследований Университета Дмитрия Пожарского «Научное наследие А. Б. Рановича: к 130-летию со дня рождения ученого». Москва, 17–18 декабря 2015 года): <https://www.youtube.com/watch?v=nStf-r4u67w>.

⁵ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207. Л. 69–70: «Мы должны быть бдительны в отношении наших изданий. Я должен рассказать о том факте, который у нас произошел в редакции “Вестника древней истории”. Мне, как члену редакционной коллегии, пришлось заниматься редактированием номера. Я был болен, мне принесли одну из статей для правки домой. Это была статья относительно Боспорских монет, статья нумизматическая, сухая, но когда я развернул ее, то увидел, что на отпечатках монет изображено пять или шесть свастики. Я немедленно позвонил по телефону о том, чтобы задержать статью, но встретил всякие отговорки. Пришлось провести административный нажим, чтобы быстро ликвидировать это дело. Но что страшно? Страшно то, что младшие научные работники сектора не осознавали политической важности допущенной ошибки. Одни говорили, что принимали статью не они, другие говорили, что не знают, кто и как сдавал в набор и т. д. Я не буду говорить о том, каков был бы эффект, если бы этот номер вышел в таком издании. Я привожу один из таких примеров, для того, чтобы показать, что бдительность должна быть у всех работников, именно бдительность нужна так же, как и трудовая дисциплина».

по организации советского научного присутствия в Египте и Судане в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Как отмечается в предисловии, характер документов весьма разнится — это обусловлено и личными качествами их авторов, и, что более существенно, адресатами. Н. С. Петровский направляет советскому послу в Египте записку, выдержанную в строгом, научном стиле, прилагая к ней тщательно проработанную смету на содержание в Каире Института египтологии. В. И. Авдиев адресуется к политическим деятелям — вначале председателю Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами Ю. А. Жукову, а затем — секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову. Именно в записке на имя Суслова звучат слова, вынесенные в заголовок публикации. Характер этих текстов совершенно иной: Авдиев не столько аргументирует необходимость присутствия ученых в Египте с научной точки зрения, сколько обосновывает ее политическими соображениями, делом «борьбы за мир» и «укрепления дружбы и сотрудничества с государствами Азии, Африки и Латинской Америки, которые борются за достижение и упрочение национальной независимости» (с. 346). Стоит лишь приветствовать намерение публикатора проследить дальнейшую судьбу инициатив Авдиева и Петровского и выяснить, насколько они повлияли на организацию Нубийской экспедиции АН СССР. Однако следовало бы рассмотреть эту инициативу в контексте других инициатив советских ученых в середине 1950-х годов, которые отражены не только в архивных, но и в опубликованных документах⁶.

Выход сборника «Советский ландшафт древней ойкумены» — важный этап в изучении и осмыслении наследия советских историков древности; это результат плодотворной и полезной работы и составителя сборника И. А. Ладынина, и его коллег. Во многих отношениях этот новый этап отличается и от советской, и от постсоветской историографии древнего мира. Отрадно, что отечественные исследователи широко привлекают архивные материалы; остается только пожелать больше внимания уделять историческому (а не только историографическому) контексту.

Sergey G. Karpyuk,
Institute of World History, Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia
oxlos@yandex.ru
Acknowledgements: Russian Foundation for
Humanities, No. 16-01-00334

С.Г. Карпюк,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия
Проект РГНФ № 16-01-00334

Oleg I. Maliugin,
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
maliugin@mail.ru

О.И. Малиугин,
Белорусский государственный
университет, Минск, Беларусь

⁶ Постановление Президиума ЦК КПСС «О создании советской научной станции в Египте». 18 мая 1957 г. Строго секретно. В кн.: *Академия наук в решениях ЦК КПСС. Бюро Президиума, Президиум, Секретариат ЦК КПСС. 1952–1958.* В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков (отв. сост.). М., 2010. С. 737–740 (№ 209).